

МАКСИМ ЯСИПОВИЧ

ПОСЛЕДНЯЯ ДВЕРЬ

КОГДА ДВЕРИ ОТКРЫВАЮТСЯ СНОВА,
ПРОШЛОЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Максим Ясипович
Последняя дверь

«Автор»

2026

Ясипович М.

Последняя дверь / М. Ясипович — «Автор», 2026

Тридцать восемь лет назад они закрыли последнюю дверь. Теперь она открылась снова. Когда-то Нина Вересова командовала «Рубежом» — командой людей со сверхспособностями, которых отправляли туда, где обычные спасатели были бессильны. Теперь Нине семьдесят четыре. «Рубеж» давно стал легендой, его участники состарились, а лучший Картограф команды Михаил постепенно теряет память. Но однажды из пансионата «Аврора» бесследно исчезает человек. Оставленный велосипед. Выключенный телефон. Коридор, который внезапно стал короче на три метра. И Михаил, который начинает рисовать маршрут, уничтоженный почти сорок лет назад. Нине придётся снова собрать старую команду и открыть дверь в прошлое. Потому что их последняя операция, возможно, вовсе не закончилась. И на этот раз цена ошибки — не только чужие жизни. Но что, если главная тайна «Рубежа» — не то, что осталось за дверью, а решение, принятое теми, кого все привыкли считать героями?

© Ясипович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 . Отсутствующий	5
Глава 2. Шкафчик	14
Глава 3. Ноль	22
Глава 4. Восемь метров	36
Глава 5. Дверь ванной	45
Глава 6. Чужой коридор	54
Глава 7. Вера	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Максим Ясипович

Последняя дверь

Глава 1 . Отсутствующий

В семь сорок две Нина Вересова отложила книгу.

Кирилл опоздал на двенадцать минут.

Двенадцать минут сами по себе ничего не значили. В «Авроре» кто-нибудь обязательно терял тапок, спорил из-за давления, отказывался от таблетки, хотя пять минут назад требовал именно эту таблетку, или вспоминал о срочном деле в тот момент, когда сотрудник уже стоял в дверях. Утренний обход редко шёл минута в минуту.

Но Кирилл обычно предупреждал.

Нина посмотрела на телефон. Сообщений не было.

Она снова открыла книгу, прочитала две строки и поняла, что не запомнила ни одной. Закрыла.

Поясницу тянуло ещё с ночи. Нина села на край кровати, поставила ноги ровно, подождала секунду и встала. Раздражало не то, что теперь приходилось вставать осторожнее. Раздражало, что тело требовало отдельного плана на действие, которое раньше вообще не считалось действием.

На тумбочке лежал маленький бумажный блокнот. Нина записала:

7:42. К. нет.

Посмотрела на запись, поморщилась и зачеркнула.

Глупость.

Она направилась в ванную и остановилась перед дверью.

Белая краска. Матовая металлическая ручка. Внизу, возле порога, маленькая царапина от тележки уборщицы.

Обычная дверь.

Нина взялась за ручку и не нажала.

Постояла так несколько секунд, потом выругалась вполголоса и открыла.

Раковина, зеркало, душевая со складным сиденьем, поручень, который Нина ненавидела с первого дня. Всё на месте.

Она умылась холодной водой и не стала смотреть на дверь в зеркале.

В восемь без пяти Кирилл всё ещё не появился. Нина оделась, убрала блокнот в карман брюк и вышла сама.

Коридор второго этажа уже проснулся. Дверь напротив была открыта, оттуда доносился телевизор. По стене медленно ехала уборочная машина. На диванчике возле окна двое мужчин спорили, сколько сахара разрешили господину Миронову, хотя сам Миронов сидел между ними и молчал.

Нина повернула к лестнице.

— Ты рано.

Михаил Веденский сидел у окна в нише между лифтом и лестничной площадкой. На коленях у него лежал блокнот, на блокноте — карандаш. Он был в сером кардигане, застёгнутом не на ту пуговицу, но в остальном выглядел собранным. Это был хороший день. По крайней мере пока.

— Восемь утра, — сказала Нина.

Михаил посмотрел на часы.

— Тем более.

— Кирилл не видел?

— Сегодня?

— Желательно.

Он не обиделся. Подумал.

— Нет.

Нина кивнула и уже собралась идти дальше, но заметила рисунок.

На листе были прямоугольники. Несколько крупных, два совсем маленьких. Между ними шли линии, кое-где стрелки. Не архитектурный план. Скорее схема связей, только некоторые линии пересекали друг друга так, будто Михаилу это не мешало.

— Опять чертишь?

— Проверяю.

— Что?

Он посмотрел на страницу.

Прошла секунда. Потом ещё одна.

— Хороший вопрос.

Нина ничего не сказала.

Михаил провёл пальцем по одной из линий.

— Я хотел понять, где... — Он нахмурился. — Нет. Ушло.

— Потом вспомнишь.

— Возможно.

Он произнёс это спокойно. Слишком спокойно для человека, который ещё год назад злился каждый раз, когда мысль исчезала на полуслове.

Михаил закрыл блокнот. Между страниц торчал сложенный лист плотной бумаги. На уголке была видна синяя полоса и часть старого обозначения.

Нина узнала её раньше, чем успела решить, хочет ли узнавать.

— Где взял?

Михаил проследил за её взглядом.

— Это?

— Да.

— На выставке.

— Она ещё закрыта.

— Значит, не на выставке.

— Михаил.

Он улыбнулся.

— Вот теперь ты похожа на себя.

Нина вытянула руку.

— Покажи.

Он не отдал.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты сначала скажешь, что это ерунда, потом заберёшь, а вечером придёшь спросить, что именно я там искал.

— И что ты там искал?

— Пока не скажу. Я хочу насладиться редким преимуществом.

— Каким?

— Я знаю что-то, чего не знаешь ты.

Он говорил легко, и Нина почти позволила себе улыбнуться.

Почти.

Михаил посмотрел на неё внимательнее.

- Спина?
- Нормально.
- Тогда почему идёшь так, будто пол тебя оскорбил?
- Потому что он неровный.
- Михаил опустил взгляд на идеально ровное покрытие.
- Понятно.
- Не начинай.
- Я ещё ничего не сказал.
- Именно поэтому.

Он хмыкнул и снова открыл блокнот.

Нина дошла до лестницы, потом обернулась.

- Если увидишь Кирилла, скажи, что я его ищу.
- Хорошо.
- И застегни кардиган.

Михаил посмотрел на пуговицы.

- А вот это уже вмешательство в частную жизнь.

Нина спустилась на первый этаж пешком. Лифт был быстрее, но утром ей хотелось знать, может ли она ещё пройти два пролёта без остановки.

Могла.

Внизу пришлось задержаться на несколько секунд, чтобы дыхание стало ровнее.

Столовая занимала почти весь южный угол первого этажа. Большие окна выходили во внутренний сад. В хорошую погоду двери открывали, и тогда запах кофе смешивался с мокрой землёй и травой. Сегодня окна были закрыты. Ночью прошёл дождь.

Павел Яхонтов стоял возле стола у раздаточной и держал стул за спинку.

Сотрудница столовой держалась за тот же стул с другой стороны.

- Павел Сергеевич, поставьте.
- Я его переставлю на полметра.
- Я сама.
- Я вижу.
- Тогда отпустите.

- Я раньше автобус поднимал.

За соседним столом Тамара Ольховская подняла голову от чашки.

- Один край автобуса.

Павел повернулся.

- Это принципиально?
- Для автобуса — думаю, да.
- Ты там вообще не была.
- Я читала отчёт.
- В отчёте половину выкинули.
- Вторую половину ты добавил потом.

Сотрудница воспользовалась спором и забрала стул.

Павел проводил стул взглядом и отбил костяшками по столу: три быстрых удара, короткая пауза, ещё три и два.

Тамара поморщилась.

- Не стучи как Андрей.
- Я всегда так стучал.
- Нет. Ты украл ритм после истории с душевой.

Павел перестал. Нина взяла ложку и сделала вид, что не слышала имя.

Павел посмотрел ей вслед с выражением человека, которого только что лишили конституционного права.

Нина села напротив Тамары.

— Доброе утро, — сказала Тамара.

— Это пока не установлено.

— Тогда обычное.

Павел опустил на соседний стул. Медленнее, чем хотел показать. Нина заметила, как он на мгновение перенёс вес на левую руку.

Он заметил, что она заметила.

Оба сделали вид, что ничего не произошло.

— Сегодня каша, — сообщил Павел.

— Я вижу.

— Это была жалоба.

— Я тоже.

Тамара коснулась пальцем корпуса слухового аппарата за правым ухом. Маленький индикатор мигнул.

Она оглянулась на дверь столовой.

— А Кирилл где?

Нина перевела взгляд на неё.

— Почему спрашиваешь?

— Потому что его нет.

— Факт я слышала. Причина?

— Он обычно проходит мимо моей комнаты в семь двадцать три. Сегодня не проходил.

«Аврора» называлась обычным пансионатом только в рекламном буклете. Полное название занимало две строки и включало слова «длительное сопровождение людей с остаточными активными способностями». Нина прочитала его один раз при заселении и больше не повторяла.

Михаил оказался здесь первым. После второго падения дома врачи потребовали круглосуточное наблюдение и систему, способную сглаживать пространственные импульсы. Через полгода Тамара выбрала тот же корпус из-за акустической лаборатории. Павел приехал после операции на колене и всем говорил, что адрес совпал случайно.

Нина переехала последней.

Александра тогда спросила, не проще ли признать, что ей спокойнее рядом со своими.

Нина ответила, что выбирала по медицинской лицензии, саду и расстоянию до города.

Всё это было правдой.

Просто не всей.

Павел потянулся к хлебу.

— Может, выходной.

— Среда, — сказала Тамара.

— Люди отдыхают не только по воскресеньям.

— Кирилл отдыхает по четвергам и субботам.

Павел посмотрел на неё.

— Ты пугающий человек.

— Слух.

— Нет. Именно ты.

К столу подошла молодая сотрудница с тележкой. Нина знала её в лицо, имени не помнила.

— Простите, — сказала Нина. — Кирилл сегодня работает?

Девушка на секунду замялась.

- Кирилл Ладожин?
- Другого у вас нет.
- Сегодня нет.
- Я спрашиваю, работает ли он сегодня.
- Мне сказали перераспределить его утренние обходы.
- Почему?
- Не знаю.
- Павел перестал намазывать масло на хлеб.
- Заболел?
- Девушка оглянулась на стойку.
- Кажется, он вообще больше не работает.
- Нина не сразу ответила.
- Кажется?
- Я точно не знаю. Простите. Нам просто сказали, что его сегодня не будет.
- Кто сказал?
- Старшая смены.
- А ей?

Девушка уже заметно пожалела, что подошла.

— Не знаю, Нина Андреевна.

Тамара сказала:

- Отпусти человека.
- Я никого не держу.

Девушка быстро улыбнулась и покатила тележку дальше.

Павел посмотрел на Нину.

- Что?
- Ничего.
- У тебя лицо.
- У меня оно давно.
- Вот именно это.

Нина взяла чашку.

Вчера Кирилл заходил к ней после ужина. Не по работе — принёс книгу, которую Нина заказывала через библиотеку. Постоял у двери, пока она расписывалась за выдачу, и спросил, не знает ли она, где Михаил хранил старые схемы.

- Какие схемы?
- Он говорит, что не помнит название архива. Что-то про Северный узел.

Нина тогда ответила слишком резко:

- Не надо ему это таскать.

Кирилл удивился.

- Почему?
- Потому что ему потом два дня снится эта дрянь.

Это было не совсем правдой. Михаил редко рассказывал, что ему снилось.

Кирилл почесал висок.

- Я уже нашёл заявку. Завтра покажу ему, хорошо? Если ему станет тяжело, уберу.

Нина хотела сказать «не надо». Но Кирилл относился к Михаилу как к взрослому человеку, а не как к вещи, которую следует переставлять подальше от острых углов. Именно за это Нина его и терпела больше большинства сотрудников.

- Сначала спроси у него, хочет ли он смотреть.

Кирилл усмехнулся.

- Так он и попросил.

— Тогда зачем спрашиваешь меня?

— Хотел узнать, насколько сильно вы будете ругаться.

— Очень.

— Понял. До завтра.

До завтра. Нина поставила чашку.

— Он не собирался увольняться.

Тамара сразу поняла.

— Почему?

— Вчера сказал, что сегодня покажет Михаилу архивные планы.

— Люди иногда увольняются неожиданно, — сказал Павел.

— Да.

— Значит, пока ничего.

— Пока.

Тамара посмотрела на неё поверх чашки.

— Ты уже решила проверить.

— Я завтракаю.

— Это не ответ.

— Это наблюдение.

Павел усмехнулся.

Нина доела половину каши и оставила остальное.

На выходе из столовой она заметила через стеклянную входную дверь велосипед.

Чёрный, с красной полосой на раме. Кирилл парковал его у боковой стены, потому что стойка возле главного входа после дождя собирала воду.

Сегодня велосипед стоял там же.

Нина остановилась.

Тамара едва не врезалась ей в спину.

— Что?

Нина кивнула на стекло.

— Его.

— Уверена?

— Я видела, как он чинит эту дурацкую красную ленту уже три раза.

— Может, ушёл пешком.

— Может.

— Может, его забрали.

— Может.

Тамара чуть прищурилась.

— Ты перечисляешь версии так, будто хочешь от них избавиться.

— Я перечисляю версии.

— Это и сказала.

Нина пошла к стойке дежурного персонала.

За компьютером сидела Людмила, старшая медсестра утренней смены. На столе перед ней лежали две папки, стакан воды и раскрытая упаковка леденцов.

— Людмила.

Та подняла голову.

— Нина Андреевна, доброе утро. Что-то случилось?

— Кирилл Ладожин.

— А.

Очень маленькое «а».

Нина услышала его.

— Что «а»?

— Ничего. Просто сегодня с ним какая-то путаница.

— Какая?

Людмила посмотрела на монитор.

— Он не пришёл на смену. Елена Сергеевна попросила перераспределить его пациентов.

— Он звонил?

— Не мне.

— Заявление об увольнении есть?

— Я кадровик?

— Нет.

— Тогда почему спрашиваете меня?

— Потому что кадровик приходит после девяти, а сейчас девять двадцать.

Людмила посмотрела на часы и улыбнулась без удовольствия.

— Хорошо. Насколько я знаю, заявления нет.

— Телефон?

— Выключен или вне сети. Я звонила два раза.

— Домой?

Людмила помолчала.

— Нина Андреевна, если сотрудник не вышел на одну смену, мы не начинаем поисковую операцию.

— Я не предлагала операцию.

— Пока.

Тамара кашлянула за спиной.

Нина не обернулась.

— Кто видел Кирилла последним?

— Не знаю.

— Когда он ушёл вчера?

— Нина Андреевна.

— В котором часу?

Людмила закрыла папку.

— После девяти. Он был на вечернем обходе. Дальше я не знаю. Если хотите, спросите Елену Сергеевну. Она сейчас занята, но...

Нина проследила за её взглядом.

За стойкой начинался короткий коридор к служебным помещениям. Дверь в раздевалку была приоткрыта: уборщик выкатывал оттуда тележку с бельём.

На крючке внутри, возле ряда шкафчиков, висела тёмно-зелёная куртка. Нина видела её каждый день.

Кирилл носил её почти до июня, утверждая, что утром всё равно холодно.

Теперь август, но ночами уже стало прохладнее, и вчера он снова пришёл в ней.

Нина повернулась к Людмиле.

— Его вещи проверяли?

— Какие вещи?

— Шкафчик.

— Нет. А зачем?

Хороший вопрос.

Если человек не вышел на работу одну смену, действительно незачем вскрывать шкафчик.

Нина посмотрела на куртку ещё раз.

Велосипед снаружи.

Куртка внутри.

Телефон выключен.

Сегодняшние планы с Михаилом.

Ни один факт не доказывал ничего. Вместе они ей не нравились.

— Нина, — тихо сказала Тамара.

— Что?

— Не здесь.

Тамара редко меняла тон без причины.

Они отошли к окну возле лестницы.

— Что ты хотела сказать?

Тамара посмотрела на людей возле стойки, потом на Нину.

— Ночью я слышала его.

— Кирилла?

— Да.

— Где?

— Служебный коридор за физиотерапией.

— Уверена?

Тамара раздражённо поджала губы.

— Я знаю, как он ходит.

— Хорошо. Во сколько?

— Без двенадцати десять. Может, на минуту раньше.

Нина достала блокнот.

— Он шёл куда?

— В сторону технических помещений.

— Один?

— Других шагов рядом не было.

Нина записала время.

— И?

Тамара не ответила сразу.

— И ничего.

— Что значит «ничего»?

— Шаги прекратились.

— Остановился.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что человек, который останавливается, продолжает что-то делать. Вес переносит. Одежда шуршит. Дышит. Пол под ним отвечает. Хотя бы один звук остаётся.

Нина смотрела на неё.

— А там?

— Там звук просто оборвался.

— Дверь?

— Я тоже так подумала.

— Значит, дверь.

— Возможно.

— Но?

Тамара провела ногтем по краю слухового аппарата.

— Дверь тоже звучит.

На лестнице кто-то рассмеялся. Из столовой донёсся звон посуды.

Нина закрыла блокнот.

— Пойдём к Елене.

Тамара посмотрела на неё внимательнее.

— Правда?

— Что?

— Ты действительно сейчас пойдёшь к директору и расскажешь всё, что знаешь?

Нина ничего не ответила.

Тамара вздохнула.

— Вот и я о том же.

— Сначала я хочу увидеть его шкафчик.

— Конечно.

— Если там ничего нет, пойдём к Елене.

— А если есть?

Нина убрала блокнот в карман.

— Тогда будет о чём с ней разговаривать.

— Ты даже тревогу умеешь оформлять как служебную записку, Вересова.

Нина посмотрела в сторону служебного коридора.

Дверь в раздевалку уже закрыли.

На матовом стекле отражался утренний свет. Совершенно обычная дверь.

Между лопатками медленно потянуло холодом.

Холод был знакомым. Так тело реагировало раньше, чем она успевала назвать угрозу: на неверный звук в переговорном устройстве, на задержку ответа, на дверь, которой не должно быть на схеме.

Она ещё раз проверила стекло, раму и расстояние до поворота. Ничего не изменилось. Отражение лежало под тем же углом, ручка не двигалась, из раздевалки доносился шум воды.

И всё же обычность выглядела слишком полной, как правильно заполненный отчёт, в котором пропустили одну строку. Нина знала цену таким пропускам.

Она не сказала Тамаре почему.

Пока не сказала.

Глава 2. Шкафчик

Тамара не дала ей времени передумать.

Она дождалась, пока женщина с тележкой белья выйдет из служебной раздевалки, и придержала дверь ладонью.

— Ты идёшь или будешь ещё пять минут изображать законопослушного человека?

Нина посмотрела на стойку персонала. Людмила разговаривала по телефону и листала журнал приёма. Девушка из столовой увозила посуду в сторону кухни. Никому до них не было дела.

— Я ничего не изображаю.

— Это правда.

Нина вошла первой.

В раздевалке пахло стиральным порошком, мокрой тканью и дешёвым мужским дезодорантом. Вдоль стены стояли узкие металлические шкафчики. Над ними шёл ряд крючков. На одном висела куртка Кирилла.

Вблизи Нина убедилась, что не ошиблась. Тёмно-зелёная, с потёртым швом на правом кармане. Вчера вечером он был именно в ней.

— Шкафчик знаешь? — спросила Тамара.

— Нет.

— Отличный план.

— Я не говорила, что у меня есть план.

— Это новое.

Нина прошла вдоль ряда. На дверцах были маленькие наклейки с фамилиями. Некоторые от времени начали отходить по краям.

Ладожин.

Шкафчик был заперт.

Нина дёрнула ручку один раз.

— Всё? — спросила Тамара.

— Проверила.

— Я боялась, ты сейчас достанешь шпильку.

— В последний раз я вскрывала замок до твоего рождения.

— Ты старше меня на пять лет.

— Именно.

Тамара скрестила руки.

— И что дальше?

Нина посмотрела на куртку.

Карман чуть отвисал.

Она сунула руку внутрь.

— Это уже не шкафчик, — сказала Тамара. — Юридически ты изменила категорию нарушения.

— Тебя беспокоит закон?

— Меня развлекает последовательность.

В кармане лежали сложенная маска от дождя, чек из аптеки и ключи.

Нина достала связку.

Тамара перестала улыбаться.

На кольце было три ключа: маленький от велосипедного замка, обычный дверной и ещё один, плоский, от шкафчика.

— Он оставил ключи, — сказала Тамара.

- Вижу.
- Велосипед снаружи.
- Вижу.
- Телефон выключен.
- Это мы уже обсуждали.
- Тогда открой.

Нина вставила маленький ключ в замок шкафчика.

Подошёл.

Она не сразу повернула.

— Если у него действительно что-то случилось, — сказала Тамара, — потом ты сможешь сколько угодно переживать о правилах.

- Я не переживаю.
- Тогда почему держишь ключ?

Нина открыла. Внутри не было ничего драматичного.

Сменная футболка. Полотенце. Пластиковый контейнер с остатками вчерашнего ужина. Упаковка таблеток от аллергии. Зарядный кабель. Старая кружка с треснувшей ручкой. На верхней полке лежала пачка одноразовых перчаток и свёрнутая спортивная кофта.

Тамара заглянула через плечо.

- На бегство не похоже.
- Может, он не собирался домой после смены.
- Куртку оставил.
- Мог взять другую.
- Ключи?
- Мог забыть.
- Велосипед?
- Тамара.
- Просто проверяю, сколько раз ты скажешь «мог».

Нина подняла пластиковый контейнер. Под ним лежала тонкая папка.

Папка была не служебная. Обычная картонная, с резинкой. На обложке Кирилл написал ручкой: «М. В.».

Нина сняла резинку.

Внутри было несколько распечаток из электронного архива. Не сами планы, а список запросов и номера материалов. Северный узел встречался в заголовках почти на каждом листе.

Тамара тихо выдохнула.

— Вот это уже не случайность.

Нина пробежала глазами по строкам.

«Схема эвакуационной топологии».

«Маршрут 3».

«Маршрут 5».

Ниже, на отдельном листе:

«Маршрут 7. Техническая конфигурация. Доступ ограничен».

Рядом Кирилл написал карандашом:

«Подать повторно. Нужна старая версия».

— Седьмой, — сказала Тамара.

Нина закрыла папку.

- Вижу.
- Ты знаешь, что это?
- Номер маршрута.
- Спасибо.

- Пока больше ничего.
Тамара взглянула на неё.
Нина выдержала взгляд.
В коридоре за дверью слышались шаги. Она быстро положила папку обратно.
— Что ты делаешь?
— Возвращаю.
— Мы нашли единственную вещь, которая связывает Кирилла с Северным узлом, и ты её оставляешь?
— Если забрать, любой, кто откроет шкафчик после нас, поймёт, что здесь были.
— Мы уже открыли шкафчик его ключом.
— Поэтому не надо добавлять вторую глупость к первой.
Дверь раздевалки открылась.
Вошёл мужчина из хозяйственной службы. Увидел их, остановился.
— Нина Андреевна?
— Доброе утро.
Он посмотрел на открытый шкафчик.
Потом на Тамару.
— Вам помочь?
— Уже помогли, — сказала Тамара.
Нина закрыла дверцу.
— Мы искали одну вещь Кирилла.
— А.
Это было уже второе «а» за утро, которое Нине не понравилось.
— Что? — спросила она.
Мужчина поставил коробку на скамью.
— Ничего.
— Вы тоже считаете, что он уволился?
— Я вообще ничего не считаю.
— Видели его вчера вечером?
Тот посмотрел на дверь.
— Видел.
— Когда?
— После десяти вроде.
— Где?
— Здесь. Он переодевался.
— Ушёл?
— Наверное.
— Вы видели, как он ушёл?
— Нет. Я закончил раньше.
— Он что-нибудь говорил?
Мужчина задумался.
— Спрашивал, где можно посмотреть старые технические планы корпуса.
Тамара рядом сразу повернула голову. Нина заметила движение краем глаза.
— Какие планы?
— Не знаю. Спросил, есть ли у нас старые планы до перестройки. Я сказал, что в архиве, наверное. Он ещё смеялся, что у нас коридоры будто кто-то специально рисовал, чтобы санитары больше ходили.
— Когда была перестройка?
— Какая?

— Корпуса.

— Да их несколько было.

Он пожал плечами.

— Простите, мне работать надо.

— Конечно.

Нина отступила.

У двери Тамара сказала:

— Спасибо.

Мужчина уже открыл коробку и не ответил.

Они вышли.

Нина закрыла служебную дверь и только после этого вернула ключи Кирилла в карман куртки.

Тамара смотрела.

— Это зачем?

— Они лежали там.

— Если полиция придёт?

— Тогда найдёт их там же, где они были.

— А отпечатки?

— Я не в детективном сериале.

— Очень хочется верить.

Нина пошла по коридору.

— Куда?

— К Михаилу.

— С папкой?

— Без.

— Почему?

— Потому что он попросил Кирилла её собрать.

— Ты уверена?

— Вчера Кирилл сказал, что искал для него старые схемы.

Тамара догнала её.

— Ты вчера это знала?

— Что именно?

— Про Северный узел.

— Знала, что Михаил что-то попросил.

— И не сказала утром.

— Это тогда не имело значения.

— А теперь имеет?

Нина остановилась.

— Теперь Кирилл исчез.

— Значит, значение информации определяется после того, как ты её оценишь.

— Значение информации всегда определяется после оценки.

Тамара коротко рассмеялась.

— С тобой невозможно спорить, потому что ты любую человеческую привычку превращаешь в служебную инструкцию.

— Не преувеличивай.

— Это Павел преувеличивает. Я формулирую точно.

Они дошли до лестницы.

Тамара первой нажала кнопку лифта.

— Я пойду пешком.

— Я знаю.

— Тогда зачем нажала?

— Себе.

Нина задержала на ней взгляд.

Тамара пожала плечами.

— В отличие от некоторых я не обязана доказывать лестнице свою независимость.

Дверь лифта открылась.

— Увидимся наверху.

Нина поднялась по лестнице.

На втором пролёте поясница напомнила о себе резкой болью. Она остановилась, положила ладонь на перила и дождалась, пока пройдёт.

Не оглядывалась. Тамара уже уехала.

На втором этаже возле комнаты Михаила никого не было.

Нина постучала.

— Да.

Она вошла.

Михаил сидел за столом. Перед ним лежали два листа бумаги. На одном он рисовал ту же сеть прямоугольников, которую Нина видела утром. Второй был пуст.

— Ты завтракал?

— Это допрос?

— Вопрос.

— Тогда да.

— Что ел?

— А это уже проверка показаний.

Нина закрыла дверь.

— Кирилл для тебя искал материалы Северного узла?

Михаил поднял взгляд.

— Нашёл?

— Я спросила, искал ли.

— Значит, не нашёл.

— Михаил.

Он отложил карандаш.

— Да. Просил.

— Что именно?

— Схему.

— Какую?

Он посмотрел на рисунок.

— Старую.

— Какую старую?

— До отчёта.

Под рёбрами неприятно похолодело.

— Какого отчёта?

Михаил нахмурился.

— Ты знаешь.

— Я хочу услышать от тебя.

— Зачем?

— Потому что Кирилл исчез.

Это дошло до него сразу.

Михаил выпрямился.

— Что значит исчез?

— Сегодня не вышел на смену. Вещи здесь. Телефон недоступен. Ночью его слышали в служебном крыле.

— Кто слышал?

— Тамара.

— Когда?

— Около полуночи.

Михаил посмотрел на дверь.

— Он был один?

— По словам Тамары.

— И куда пошёл?

— Она не знает.

— Тогда откуда...

— Что?

Михаил посмотрел на рисунок.

Нина ждала.

— Он должен был принести мне седьмой маршрут.

— Почему именно седьмой?

Михаил провёл карандашом по одной линии.

— Потому что здесь не сходится.

— Где?

— Здесь.

Он показал соединение двух прямоугольников.

— Что это?

— Не знаю.

— Только что сказал, что не сходится.

— Не знаю, как это называется сейчас.

— А тогда?

Михаил закрыл глаза.

Не театрально. Просто сидел несколько секунд, будто пытался нащупать слово в тёмном ящике.

— Маршрут.

— Седьмой?

— Да.

— Что с ним было?

Он открыл глаза.

— Его закрыли.

— Почему?

— Нужно было.

— Кто закрыл?

Михаил посмотрел на Нину.

Она сразу пожалела о вопросе.

— Не помню.

— Попробуй.

— Не надо так говорить.

— Как?

— Как будто память — это шкафчик, который я ленюсь открыть.

Нина молчала.

Михаил отвернулся.

- Прости.
- Не извиняйся за то, за что не собираешься.
- Тогда не буду.

Он взял карандаш, но не рисовал.

- Зачем тебе была старая схема?

- Хотел проверить.

- Что?

- Где она заканчивается.

- Она заканчивается там, где её закрыли.

- Нет.

Раздражение вернулось.

- Михаил, если ты хочешь, чтобы я помогла, говори нормально.

Он медленно поднял глаза.

- Я говорю нормально.

- Тогда объясни.

- На официальной схеме седьмой маршрут заканчивается.

- Да.

- А он не мог закончиться там.

- Почему?

- Потому что...

Он замолчал. Карандаш выскользнул из пальцев и покатился по столу.

Михаил смотрел на него, будто не понимал, откуда тот взялся.

Нина подняла карандаш и положила рядом.

- Хватит.

- Нет.

- Ты устал.

- Не решай.

Она сжала губы.

- Хорошо.

Несколько секунд они сидели молча.

Михаил провёл ладонью по лбу.

- Кирилл нашёл что-нибудь?

- В его шкафчике был архивный запрос.

- Ты открыла его шкафчик?

- Это сейчас важно?

- Просто впечатлён.

— Маршрут семь. Техническая конфигурация. Доступ ограничен. Он хотел подать запрос на старую версию.

- Да.

- Что было в старой версии?

Он снова посмотрел на рисунок.

- Не помню.

- А что написали в новой?

Михаил усмехнулся без веселья.

- Ты знаешь.

- Я спрашиваю тебя.

- Зачем?

- Потому что хочу понять, что искал Кирилл.

- Нет.

Нина нахмурилась.

— Что нет?

— Ты хочешь понять, что помню я.

Он попал точно.

Нина откинулась на спинку стула.

Михаил посмотрел на неё дольше обычного.

Сегодня утром в коридоре он шутил. Сейчас лицо стало усталым.

— Ты знаешь, что написали, — сказал он.

Нина ничего не ответила. На столе между ними лежала схема из прямоугольников и линий.

Одна линия обрывалась у края страницы.

Глава 3. Ноль

Нина вышла от Михаила в начале двенадцатого и почти сразу пожалела, что не осталась.

Не потому, что могла добиться от него ещё чего-нибудь. Наоборот. Последние пять минут он снова сидел над картой, смотрел на неё как на вещь, которую видел впервые, и раздражался на вопросы. Нина знала этот момент. Если продолжить, он либо устанет, либо начнёт соглашаться с любым ответом только ради того, чтобы от него отстали.

Поэтому она ушла.

Но фраза осталась.

Ты знаешь, что написали.

На лестничной площадке Нина достала блокнот.

СУ. Маршрут 7.

Кирилл искал по просьбе М. В.

М. не помнит закрытие.

«Ты знаешь, что написали».

Последнюю строку она перечитала и зачеркнула.

Не потому, что была неважна. Потому, что это не факт.

Нина не любила записывать в одну колонку события и обвинения.

Она убрала блокнот и направилась к комнате Тамары.

Постучала один раз.

Ответа не было.

Второй раз.

— Если это ты, Вересова, я передумала.

Нина открыла дверь.

— Значит, ты дома.

Тамара сидела в кресле у окна, сняв правый слуховой аппарат. На столике лежал маленький пластиковый футляр, тонкая щётка, салфетка и чашка кофе. Телевизор был включён без звука.

— Я сказала «передумала», а не «входи».

— Я слышала.

— Редкий талант.

Нина закрыла дверь.

— Михаил попросил Кирилла найти схему седьмого маршрута.

Тамара перестала чистить корпус аппарата.

— Уже лучше.

— Что именно?

— Ты сообщила информацию до того, как я её вытащила клещами.

— Не привыкай.

— Не собиралась.

Нина села на стул возле стола. Слишком низкий. Она почти сразу поняла, что потом придётся вставать с него некрасиво.

— Михаил говорит, маршрут закрыли. Но не помнит как.

— А ты помнишь?

Нина посмотрела на выключенный экран телевизора.

— Часть.

— Какую?

— Достаточную, чтобы не делать выводов по одному номеру.

Тамара вставила аппарат обратно за ухо и включила. Несколько секунд прислушивалась к настройке.

— Вот сейчас ты почти вернулась в норму.

— Я всё время в норме.

— Нет. Последний час ты хотя бы пыталась отвечать.

Нина проигнорировала.

— Нужно проверить коридор.

— Нужно.

— Ты идёшь?

Тамара задержала на ней взгляд.

— А теперь ты расскажешь, что было с седьмым маршрутом?

— После проверки.

— Тогда после проверки я решу, иду ли.

— Это бессмысленно.

— Мне нравится.

Нина поднялась. Стул действительно оказался слишком низким. Она перенесла вес на правую ногу, встала без помощи рук и увидела, как Тамара заметила усилие.

Ничего не сказала.

За это Нина была ей благодарна.

— В два, — сказала она. — После обеда.

— Я слышала.

— Хорошо.

— Не означает, что согласилась.

Нина вышла.

До обеда оставалось больше часа. Она собиралась провести его в комнате, но в холле у главного входа началось движение.

Сначала подъехал тёмный автомобиль. Потом охранник вышел на улицу с зонтом. Администратор за стойкой куда-то позвонила. Нина увидела всё это с верхней площадки и решила, что приехал новый постоялец.

В «Авроре» новые люди появлялись регулярно. Обычно с ними приезжало больше родственников, чем вещей, и первые двадцать минут все одновременно объясняли сотрудникам, как обращаться с человеком, который до этого прожил семьдесят или восемьдесят лет без их инструкций.

Нина уже отвернулась, когда увидела мужчину.

Он вышел из машины сам.

Медленно, придерживаясь рукой за верх двери, но без предложенной помощи. Высокий, худой. Светлое пальто, серые брюки, трость в левой руке. Волосы почти полностью белые, короткие. Лицо Нина узнала не сразу.

Не потому, что сильно изменилось.

Потому, что она не ожидала увидеть его здесь.

Аркадий Берестов поднял голову.

Увидел её на втором этаже.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга через холл.

Потом он сказал что-то охраннику, сложил зонт и вошёл.

Нина спустилась на один пролёт.

Аркадий подошёл к лестнице.

— Вересова.

— Берестов.

Он посмотрел на ступени, потом на неё.

— Ты спускаешься или это официальная дистанция?

Нина спустилась.

Аркадий протянул руку.

Она пожала.

Ладонь была холодной.

Слишком холодной для августа, даже после дождя.

— Не ожидала, — сказала Нина.

— Я тоже.

— Тогда почему ты здесь?

— Как приятно снова начать с вопроса.

— Могу спросить про дорогу.

— Дорога отвратительная.

— Теперь про то, зачем ты здесь.

Он чуть улыбнулся.

— Вот за это и скучал.

Нина отпустила его руку.

За Аркадием сотрудник выкатывал из багажника два чемодана. Не временный визит.

— Ты переезжаешь.

— Судя по количеству белья, которое заставила положить мне медсестра, надолго.

— Когда решил?

— Не сегодня утром.

— Аркадий.

— Нина.

Его вежливость не изменилась. Даже раньше, когда остальные переходили на крик, Аркадий начинал говорить особенно ровно и особенно правильно. В молодости это выводило Павла из себя быстрее любой ругани.

— Почему «Аврора»?

— Потому что здесь есть место.

— В других местах тоже.

— Там нет моего кардиолога.

— Кардиолог здесь бывает два раза в неделю.

— Этого достаточно, чтобы считать его моим.

К ним подошла администратор.

— Аркадий Леонидович, мы можем поднять вещи. Елена Сергеевна освободится примерно через двадцать минут.

— Благодарю.

— Я провожу вас в комнату.

— Если вы не возражаете, я сначала посижу.

— Конечно.

Она отошла.

Аркадий посмотрел на Нину.

— Видишь? Со мной уже обращаются лучше, чем с тобой.

— Ты здесь пять минут.

— Нужно пользоваться преимуществом, пока оно есть.

Нина посмотрела на чемоданы.

— Кто тебя привёз?

— Такси.

- Один?
- Водитель был.
- Не прикидывайся.
- Я и не начинал.

Она знала, что у него есть жена. Знала и то, что после инсульта она несколько лет жила в специализированном центре на другом конце города. Последний раз Нина слышала об этом от Тамары. Сам Аркадий ей ничего не рассказывал.

- Ты был дома?
- До сегодняшнего утра — да.
- Почему переехал сейчас?
- Он перестал улыбаться.
- Потому что мне семьдесят семь, Нина. Иногда этого достаточно.
- Ответ был честный и одновременно ничего не объяснял.
- Нет, — сказала она.
- Что «нет»?
- Не достаточно.
- Для тебя — возможно.

Он прошёл к креслам возле окна и сел. Трость положил рядом.

Нина осталась стоять.

Аркадий посмотрел на неё снизу вверх.

- Если хочешь продолжать допрос, сядь. Ты начинаешь нависать.
- Я не нависаю.
- Это вопрос геометрии.

Нина села напротив.

- Ты знал, что Михаил здесь?
- Да.
- До того, как согласился?
- Да.
- И тебя это не смутило?
- А должно?

Она не ответила.

Аркадий провёл большим пальцем по рукояти трости.

— Ты всё ещё считаешь, что два человека не могут жить в одном здании, если тридцать лет назад не сумели нормально закончить разговор?

- Вы не разговаривали.
- Именно.
- Ты ушёл.
- Я помню.
- Хорошо.
- Не всегда, но пока да.

Нина перевела взгляд на него.

Он понял.

- Это была плохая шутка.
- Очень.
- Согласен.

За стеклом сотрудник вёз его чемоданы к лифту.

- Михаил знает, что ты приехал?
- Нет.
- Тогда лучше подготовить.

— Кого?

— Михаила.

— Нина, я приехал жить, а не проводить задержание.

Слово прозвучало буднично.

Она сразу почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Аркадий заметил.

Конечно заметил.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ложь.

— Ты здесь пять минут.

— Хватает.

Нина встала.

— Устраивайся.

— С удовольствием.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она сделала два шага.

— Нина.

Она обернулась.

— Я приехал не из-за Михаила.

Он сказал это сам, хотя она не спросила.

— Я такого не говорила.

— Ты подумала достаточно громко.

— Тамара на третьем этаже.

— Очень смешно.

— Она на втором.

— Уже меньше.

Нина пошла к лестнице.

В двенадцать двадцать Павел узнал о приезде Аркадия.

Нина поняла это по голосу ещё до того, как вошла в общую гостиную.

— Какого чёрта?

Павел стоял у окна. Тамара сидела на диване с газетой. Михаил играл в шахматы с Владимиром Мироновым и, судя по доске, проигрывал без особого беспокойства.

— Я думала, ты обрадуешься, — сказала Тамара.

— Почему?

— Люблю наблюдать за редкими явлениями.

— Ты знала?

— Три минуты.

Павел повернулся к Нине.

— Ты знала?

— Двадцать.

— И молчала.

— Ты теперь ведёшь учёт?

— Он приехал сюда жить?

— Похоже.

— Почему?

— Спроси у него.

Павел поджал губы.

— Спрошу.
— Только не начинай.
— Что именно?
— То, что ты обычно начинаешь после фразы «что именно».
— Это очень широкая категория.
Михаил поднял голову от шахмат.
— Кто приехал?
Нина подошла ближе.
— Аркадий.
Михаил смотрел на неё.
Никакой реакции.
— Берестов, — добавила она.
Миронов передвинул ладью.
Михаил не заметил.
— Аркадий?
— Да.
Он посмотрел на дверь.
— Зачем?
— Будет жить здесь.
Михаил нахмурился.
— Здесь?
— Здесь.
Он снова посмотрел на доску.
— Тогда зря ты сказала заранее.
— Почему?
— Теперь я буду ждать.
И сделал ход конём.
Павел тихо выругался.
Через полчаса Аркадий вошёл в гостиную.
Нина ожидала большего.
Не сцены. Хотя бы заметного движения.
Павел сидел у окна и не встал. Тамара отложила газету. Миронов уже ушёл, а Михаил остался за шахматной доской один и переставлял фигуры обратно на начальные клетки.
Аркадий остановился в дверях.
— Добрый день.
Тамара первой ответила:
— Пока не решили.
Аркадий перевёл взгляд на неё.
— Ольховская.
— Берестов.
— Выглядишь хорошо.
— Врёшь хуже, чем раньше.
— Старею.
Павел ничего не сказал.
Аркадий повернулся к нему.
— Павел.
— Аркадий.
— Рад видеть.
— Не торопись.

— Хорошо.

Нина стояла возле книжного шкафа и чувствовала себя человеком, который случайно закрыл в одной комнате несколько старых взрывных устройств.

Михаил продолжал расставлять фигуры.

Аркадий подошёл к нему.

Не протянул руку сразу.

— Михаил.

Михаил поставил белую пешку на место.

— Садись.

Аркадий сел напротив.

— Как ты?

Михаил поднял глаза.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Лучше, чем вчера. Хуже, чем лет двадцать назад.

— Звучит правдоподобно.

— Ты на смену?

Комната притихла.

Аркадий не изменился в лице.

— Нет.

— Тогда зачем форма?

Он смотрел на светлое пальто Аркадия.

Аркадий опустил взгляд, словно действительно мог увидеть там старую форму «Рубежа».

— Это пальто.

Михаил моргнул.

Провёл рукой по лбу.

— Да.

Нина сделала шаг, но Аркадий слегка поднял ладонь.

Не к ней. Просто движение: не надо.

— Я теперь здесь живу, — сказал он Михаилу.

— Зачем?

— Устал сам себе готовить.

— Ты никогда не готовил.

— Тем более.

Михаил засмеялся.

Напряжение в комнате чуть ослабло.

— Комната где?

— Двести семнадцать.

— Плохая.

— Почему?

— Окно на парковку.

Аркадий посмотрел на Нину.

— Вот первая полезная информация за день.

— Поменяй, — сказал Михаил.

— Попробую.

— Скажи, что я просил.

— Это поможет?

— Нет.

Аркадий улыбнулся.

Михаил снова взялся за фигуры.

Нина уже думала, что встреча закончилась лучше, чем могла, когда Михаил вдруг спросил:

— А ты сегодня дежуришь?

Аркадий замер.

Тамара опустила газету ниже.

Михаил смотрел на шахматную доску.

— Нет, — сказал Аркадий.

— Точно?

— Точно.

— Тогда хорошо.

— Почему?

Михаил передвинул белую ладью.

— Не люблю, когда ты дежуришь.

Павел резко встал.

Стул скрипнул по полу.

— Я пойду.

Нина задержала на нём взгляд.

— Куда?

— Подальше от этого цирка.

— Павел.

— Что?

Он был уже у двери.

Аркадий спокойно сказал:

— Если хочешь что-то сказать, скажи.

Павел повернулся.

— Ты уверен?

— Нет. Но предлагаю.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Нина видела, как у Павла напряглась челюсть.

— Не сегодня.

— Благодарю.

— Не благодари.

Павел вышел.

Аркадий проводил его взглядом.

Тамара сказала:

— Прошло прекрасно.

— Я тоже так думаю, — ответил он.

Михаил поднял голову.

— Что?

— Ничего.

— Тогда зачем вы все такие лица сделали?

— У нас возрастное, — сказала Тамара.

Михаил принял ответ.

После обеда Нина снова собиралась идти к служебному коридору.

На этот раз Тамара пришла сама.

— Я всё ещё злюсь, — сообщила она.

— Хорошо.

— Это не разрешение игнорировать.

— Я услышала.
— Ещё одно редкое явление.
Они встретились возле лифта.
— Павел? — спросила Тамара.
— Нет.
— Почему?
— Потому что проверка коридора не требует человека, который считает стену личным вызовом.
— Справедливо.
Дверь лифта открылась.
Внутри стоял Аркадий.
Он посмотрел на них.
Потом на выражение Нины.
— Я даже боюсь спрашивать.
— Тогда не спрашивай, — сказала она.
Они вошли.
Тамара нажала первый этаж.
Аркадий держал трость между коленями.
— Куда?
— Гулять, — ответила Нина.
— В служебное крыло?
Нина повернулась.
— Откуда ты знаешь?
— Потому что кнопка первого этажа, Тамара без кофе и ты с блокнотом в кармане.
Тамара посмотрела вниз.
— Блокнот не видно.
— Я знаю, где она его носит.
Раздражение вернулось.
— У тебя была удивительная способность делать выводы без разрешения.
— Она не относится к сверхъестественным.
Лифт остановился.
Нина вышла первой.
Аркадий пошёл за ними.
— Ты куда?
— В свою комнату.
— Она на втором этаже.
Он посмотрел на табличку над лифтом.
— Тогда ситуация хуже, чем я думал.
— Аркадий.
— Хорошо. Я хотел найти Елену.
— В противоположную сторону.
— Благодарю.
Он не двинулся.
Тамара сказала:
— Мы можем просто сказать ему.
Нина задержала на ней взгляд.
— Нет.
— Почему?
— Потому что пока сами не знаем, что говорить.

Аркадий вздохнул.

— Я уже начинаю узнавать этот разговор.

Злость поднялась быстро, почти привычно.

— Какой?

— Где ты сначала решаешь, кому что нужно знать, а потом называешь это осторожно-стью.

Тамара отвела взгляд.

Попал.

Нина сказала:

— Кирилл исчез.

Аркадий перестал улыбаться.

— Сотрудник?

— Да.

— Когда?

— Возможно, ночью.

— Полиция знает?

— Администрация занимается.

— Что ещё?

Нина помолчала.

— Перед исчезновением он искал для Михаила схемы Северного узла.

Лицо Аркадия почти не изменилось.

Но рука на трости сжалась.

— Какие схемы?

— Седьмой маршрут.

Теперь изменилось.

Совсем немного.

Он посмотрел сначала на Нину, потом на Тамару.

— Кто сказал?

— Архивный запрос был в его шкафчике.

— Михаил?

— Просил найти.

Аркадий провёл языком по внутренней стороне щеки.

Старая привычка. Нина вспомнила её неожиданно ясно: так он делал перед тем, как сообщить команде то, чего никто не хотел слышать.

— И вы сейчас куда?

— Проверить служебный коридор.

— Зачем?

Тамара ответила:

— Ночью я слышала там Кирилла.

— И?

— Он шёл. Потом перестал.

— Ушёл через дверь?

— Не знаю.

Аркадий посмотрел на Нину.

— Что ты не договариваешь?

— Ничего.

— Нина.

— Пока ничего.

— Это разные ответы.

Она развернулась.

— Иди к Елене.

— Обязательно.

Он не пошёл.

Тамара тихо сказала:

— Аркадий.

— Да?

— Ты знаешь, что такое седьмой маршрут?

— Да.

— Что?

Он посмотрел на неё.

— Не здесь.

— Почему все сегодня говорят «не здесь»?

— Потому что иногда стены действительно имеют уши.

Тамара не улыбнулась.

— У этих нет.

— Уверена?

Она прищурилась.

— Пока.

Аркадий медленно кивнул.

— Тогда тем более сначала покажите, что вы нашли.

Нина покачала головой.

— Нет.

— Почему?

— Ты только приехал.

— Какая связь?

— Прямая.

— Будьте добры, объясните.

Вот оно.

Тот самый тон.

Тамара посмотрела на Нину с почти сочувствием.

— Не начинай, — сказала Нина.

— Я ещё ничего не сделал.

— Именно.

Тамара фыркнула.

Аркадий взглянул на неё.

— Она всё ещё это говорит?

— Постоянно.

Нина пошла по коридору.

Они оба последовали за ней.

— Я не приглашала тебя, — сказала она, не оборачиваясь.

— Я заметил.

— Значит, остановись.

— Как только увижу, что вы не собираетесь открыть случайную дверь, связанную с Северным узлом.

Нина остановилась.

— Ты считаешь, что это возможно?

Аркадий тоже остановился.

— Я считаю, что Михаил попросил найти маршрут, которого не касался десятилетиями. После этого исчез человек. А вы идёте проверять место, где его слышали.

— Ты не ответил.

— Нет.

— Аркадий.

Он посмотрел на её лицо.

— Я не знаю.

Это прозвучало убедительнее любого уверенного ответа.

Нина продолжила идти.

Служебный коридор был пуст.

Тамара остановилась в начале прохода и вынула из кармана маленький футляр.

— Что это? — спросил Аркадий.

— Беруши.

— Для человека с усиленным слухом?

— Для человека, который не хочет потом слушать собственный писк три часа.

Она заменила настройку аппарата, проверила левое ухо и медленно пошла вдоль стены.

Нина наблюдала.

Аркадий стоял рядом, опираясь на трость.

— Что она делает?

— Слушает.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Хотел убедиться, что за тридцать лет ты научилась отвечать на очевидные вопросы.

Нина не удостоила.

Тамара подняла ладонь.

— Тише.

В коридоре и так никто не говорил.

Она сделала ещё два шага.

Щёлкнула пальцами.

Подождала.

Ещё раз.

Нина видела, как меняется её лицо. Не страх. Сосредоточение.

Тамара дошла до стены возле технической двери и остановилась.

— Здесь.

— Что? — спросила Нина.

— Не понимаю пока.

Аркадий подошёл на шаг ближе.

Тамара повернулась к нему.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что ты мне мешаешь.

— Чем?

— Не знаю.

Он замер.

Нина задержала на нём взгляд.

— Назад.

Аркадий отступил.

Тамара снова щёлкнула пальцами.

Прислушалась.

— Лучше.

Аркадий опустил взгляд на собственную руку.

Нина увидела это.

— Ты включил?

— Нет.

— Уверен?

— Я обычно замечаю.

— Обычно?

Он раздражённо посмотрел на неё.

— Нина, моей способности нужен сознательный импульс.

— Раньше нужен был.

— И сейчас нужен.

Тамара сняла аппарат.

— Хватит.

— Что ты слышала?

— Сначала нужно измерить.

— Что?

Она посмотрела вдоль коридора.

— Его.

Нина поняла.

Аркадий — нет.

— Длина не та, — сказала Тамара.

— В каком смысле?

— В буквальном.

Она снова посмотрела на Нину.

— Завтра принеси рулетку.

— Почему завтра?

— Потому что сейчас у меня начинает свистеть правое ухо.

— Мы можем взять в хозяйственном.

— А я могу сказать нет.

Нина молчала секунду.

— Хорошо.

Тамара удивилась сильнее, чем если бы Нина начала спорить.

— Просто хорошо?

— Ты сказала нет.

— Господи. Запишите дату.

Аркадий смотрел то на одну, то на другую.

— Длина коридора не та?

Тамара убирала аппарат в футляр.

— По отражению — да.

— Насколько?

— Не скажу без проверки.

— Короче или длиннее?

— Короче.

Аркадий очень медленно повернулся к Нине.

— Здесь были пространственные сбои?

Тамара рядом застыла. Нина поняла это раньше, чем посмотрела на неё.

Вопрос был слишком прямым.

Она могла сказать правду.

Два дня назад дверь ванной открылась в старый больничный коридор.

Несколько секунд.

Этого хватило бы.

Вместо этого Нина сказала:

— Нет.

Аркадий смотрел на неё долго.

Не спорил.

Не спросил второй раз.

Просто кивнул.

— Тогда всё замечательно.

Он развернулся и пошёл обратно к лифту.

Трость стучала по полу ровно.

Тамара дождалась, пока он скроется за поворотом.

— Это было зачем?

— Что?

— Вот это.

— Я не обязана рассказывать ему всё через четыре часа после приезда.

— Ты не рассказала не «всё». Ты сказала «нет».

Нина посмотрела на техническую дверь.

Обычная серая створка. Пластиковая табличка. Ничего больше.

— Завтра измерим коридор.

— Нина.

— Что?

Тамара вставила слуховой аппарат обратно.

— Когда эта история закончится плохо, не говори, что никто тебя не предупреждал.

Нина хотела ответить.

Передумала.

Потому что эту фразу она уже слышала.

Только много лет назад.

Глава 4. Восемь метров

На следующее утро Нина пришла к служебному коридору с рулеткой.

Тамара уже ждала.

— Я сказала принести рулетку, а не украсть рулетку.

— Я взяла в хозяйственной.

— Спросила?

— Оставила записку.

— Значит, украла с документацией.

Нина протянула ей конец ленты.

— Держи.

— Доброе утро тоже отменили?

— Доброе утро.

— Теперь звучит подозрительно.

Коридор выглядел так же, как вчера.

Слева — дверь физиотерапии, дальше ниша с огнетушителем, две служебные двери, поворот к техническим помещениям. Серый линолеум. Белые стены. Узкие прямоугольные светильники под потолком. За ночь никто не перестроил «Аврору», не сдвинул стены и не заменил таблички.

Нина встала у противопожарной двери.

— От порога.

Тамара прижала металлический язычок рулетки к нижнему краю.

— До какого?

— До технической.

— Вчера я мерила не отсюда.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты показала.

— Хорошо. Проверяю, слушаешь ли.

Нина размотала ленту.

Пять метров.

Шесть.

Семь.

Тамара шла назад, не отпуская конец.

На восьми метрах Нина оказалась возле технической двери.

Она остановилась.

Посмотрела на цифры.

Восемь метров шестнадцать сантиметров.

— Ещё раз, — сказала Тамара.

— Зачем?

— Потому что я хочу увидеть твоё лицо второй раз.

Нина втянула ленту.

Из-за угла появилась уборщица с ведром.

— Вы что делаете?

— Измеряем, — сказала Тамара.

— Что?

— Коридор.

Женщина посмотрела на них так, будто ответ только ухудшил ситуацию.

— Зачем?

Нина сказала:

— Есть вопрос по планировке.

— А.

Третье за два дня «а», которое Нина запомнила.

Уборщица обошла их и ушла к лестнице.

Они измерили снова.

Восемь семнадцать.

— Погрешность сантиметр, — сказала Тамара.

— Для рулетки нормально.

— Для коридора не очень.

Нина достала сложенный лист.

Старый эксплуатационный план первого этажа ей всё-таки выдали утром. Не из-за записки. Хозяйственник нашёл рулетку пропавшей, пришёл за ней в комнату и после короткого разговора сам принёс копию схемы, решив, что пожилой женщине проще дать бумагу, чем спорить.

На плане между теми же порогами стояло:

11,24.

Тамара посмотрела.

— Я вчера сказала около восьми.

— Ты сказала, что короче.

— Из скромности.

— Это на тебя не похоже.

— Возраст меняет людей.

Нина провела пальцем по схеме.

— Может быть, план старый.

— Тогда стены переставляли.

— Здесь были ремонты.

— Пол тоже переставляли?

Нина подняла глаза.

Тамара присела возле стены и постучала пальцем по линолеуму.

— Посмотри на швы.

Покрытие было уложено полосами. Поперечные стыки повторялись через равные промежутки.

— И?

— Вчера я вечером прошла здесь ещё раз.

— Без меня?

— Представляешь?

— Тамара.

— Я считала стыки. От двери до двери было девять. Сейчас семь.

Нина посмотрела на пол.

— Ты уверена?

Тамара выпрямилась.

— Не задавай этот вопрос каждый раз.

— Я должна.

— Нет. Ты можешь спросить, насколько я уверена.

Нина помолчала.

— Насколько?

— Вчера на девяносто процентов. Сейчас на сто.

Нина снова посмотрела на техническую дверь.

Если план был верным, пропали чуть больше трёх метров.

Фраза звучала нелепо даже внутри головы.

Не сжались.

Не исчезли.

Просто два порога оказались ближе друг к другу, чем должны.

Она вспомнила старые совещания, где Михаил объяснял чиновникам свою способность.

Чиновники всё время спрашивали, «куда девается расстояние». Михаил сначала отвечал подробно. Потом начал говорить: «Никуда. Вы просто перестаёте им пользоваться».

Нина тогда считала формулировку раздражающей.

Сейчас она бы многое отдала, чтобы услышать её ещё раз и задать правильный вопрос.

— Нина.

Она подняла голову.

Тамара смотрела на неё.

— Ты опять ушла куда-то.

— Думаю.

— Это я поняла.

— Если это Михаил...

— Ты уже говоришь «если».

— А что ещё может менять расстояние между двумя дверями?

Тамара пожала плечами.

— Я знаю нескольких людей, которые умели портить геометрию. Двое умерли. Один в Канаде. Один, кажется, сошёл с ума и стал выращивать помидоры.

— Очень полезно.

— Я не эксперт по людям со странными способностями. Я просто жила среди них.

Нина сложила план.

— Нужно сказать Елене.

Тамара подняла брови.

— Действительно?

— Да.

— И Аркадию?

Нина не ответила.

— Конечно, — сказала Тамара. — Было слишком хорошо.

— Сначала Елене.

— Почему?

— Потому что это её здание.

— А Михаил?

— Что Михаил?

— Может, спросить его до того, как соберём вокруг него комиссию?

Нина посмотрела на техническую дверь.

— Спросим.

— Вместе?

— Да.

Тамара улыбнулась.

— Мне всё больше нравится это утро.

Они пошли к лифту.

За спиной что-то щёлкнуло.

Обе остановились.

Нина обернулась.

Ничего.

Техническая дверь была закрыта.

— Слышала? — спросила она.

Тамара не ответила.

Она уже снимала слуховой аппарат.

Прижала палец к левому уху, повернулась боком к коридору.

Нина ждала.

Тамара сделала тихий щелчок языком.

Ещё один.

Потом медленно пошла обратно.

— Не разговаривай.

Нина и не собиралась.

Тамара дошла до середины прохода.

Щёлкнула пальцами.

Повернула голову.

— Что? — всё-таки спросила Нина.

Тамара подняла ладонь.

Прошла ещё два шага.

Остановилась у стены между нишей огнетушителя и технической дверью.

На плане за этой стеной был массивный узел вентиляции и часть шахты. Никакого помещения.

Тамара постучала костяшками.

Глухо.

Ещё раз.

— Здесь что-то есть.

— Шахта.

— Не шахта.

— Откуда знаешь?

— Потому что шахта не отвечает так.

— Как?

Тамара раздражённо посмотрела на неё.

— Если бы я могла объяснить каждое отражение словами, мне бы не понадобились уши.

Она снова повернулась к стене.

Щёлкнула.

Лицо изменилось.

Нина подошла ближе.

— Что?

— Там объём.

— Какой?

— Длинный.

— Коридор?

— Возможно.

— За стеной?

— Нет.

— Тамара.

— Не знаю, где «за». Я слышу отражение, которое должно вернуться через полметра.

Оно возвращается позже.

Нина посмотрела на гладкую белую стену.

— Насколько позже?

- Метров на семь-восемь.
- Там физически нет места.
- Спасибо, я заметила.

В конце коридора открылась дверь физиотерапии. Вышла Вера Тальникова с папкой в руках.

- Доброе утро. Вы опять что-то измеряете?

Тамара быстро вставила аппарат обратно.

- Уже закончили.

Вера посмотрела на рулетку.

- Если жалуетесь на поручни, говорите сразу. Нам и так обещали заменить.

- Не на поручни, — сказала Нина.

- Тогда на что?

Нина уже открыла рот.

Потом заметила, что Тамара смотрит на неё.

Не предупреждая.

Просто ждёт.

Нина сказала:

- Коридор по плану длиннее на три метра.

Вера улыбнулась.

Потом поняла, что Нина не шутит.

- В смысле?

- В буквальном.

- План старый?

- Возможно.

Тамара тихо кашлянула.

Нина исправилась:

- Но это нужно проверить.

Вера подошла, посмотрела на ленту.

- Могу вызвать техника.

- Вызовите.

- Хорошо.

Она не стала задавать лишних вопросов. Это Нине понравилось.

Вера ушла.

Тамара посмотрела на Нину.

- Я горжусь.

- Не начинай.

- Ты рассказала человеку факт до завершения собственного расследования.

- Она сотрудник.

- Не разрушай момент.

Они дошли до лифта.

Аркадий стоял у окна в холле и разговаривал по телефону.

Увидев их, поднял палец: секунду.

Нина продолжила идти.

Он закончил разговор и догнал.

- Доброе утро.

- Доброе.

- Вот теперь я точно понимаю, что что-то случилось.

Тамара улыбнулась.

- Я сегодня сказала то же самое.

Аркадий посмотрел на рулетку в руке Нины.
— Вы всё-таки измерили.
Нина остановилась.
— Откуда ты...
— Вчера Тамара сказала, что длина не та.
— Восемь шестнадцать, — сказала Тамара.
Нина повернулась к ней.
— Восемь семнадцать второй раз.
— Я округлила.
— План?
Аркадий смотрел уже только на Нину.
— Одиннадцать двадцать четыре.
Он несколько секунд молчал.
— Покажите.
— Мы идём к Михаилу.
— Сначала покажите.
— Почему?
— Потому что если расстояние действительно изменилось, Михаила сейчас лучше не тревожить, пока не понимаем, активна ли связь.
Вернулось знакомое раздражение.
— Вчера ты не знал, возможно ли это.
— Вчера я не видел измерений.
— Сегодня тоже не видел.
— Именно поэтому говорю «покажите».
Тамара сказала:
— Он прав.
Нина посмотрела на неё.
— Не привикай, — добавила Тамара Аркадию.
Они вернулись.
Возле коридора уже стоял техник с лазерным дальномером. Рядом Вера.
— Вот, — сказала она. — Сейчас выясним.
Техник посмотрел на схему.
— От порога до порога?
— Да, — сказала Нина.
Он поставил прибор.
Луч мелькнул красной точкой на противоположной двери.
Техник посмотрел на экран.
Нахмурился.
— Одиннадцать двадцать два.
Нина не сразу поняла.
— Повторите.
Он измерил снова.
— Одиннадцать двадцать три.
Тамара первой пошла по коридору.
Нина за ней.
Теперь техническая дверь действительно казалась дальше.
Не «казалась».
Она была дальше.
Между ними появилось ещё два стыка линолеума.

Тамара остановилась на середине.
— Семь, восемь, девять.
Нина достала рулетку.
— Не надо, — сказал техник. — Лазер точнее.
Она всё равно размотала.
Одиннадцать двадцать четыре.
Вера сказала:
— Может, вы утром не от той точки мерили?
Нина посмотрела на неё.
Вопрос был разумным.
— От этой.
— Обе?
— Да, — сказала Тамара.
Техник пожал плечами.
— Ну, сейчас всё соответствует плану.
Аркадий стоял у входа в коридор.
Не приближался.
Нина заметила.
— Почему ты там?
— Наблюдаю.
— Подойди.
— Зачем?
— Подойди.
Он сделал несколько шагов.
Ничего не изменилось.
— Ещё.
— Нина, я не лабораторная мышь.
— Вчера Тамара сказала, что рядом с тобой звук меняется.
— Она сказала, что я ей мешаю.
— Я сказала «не знаю чем», — уточнила Тамара.
Аркадий подошёл почти к технической двери.
Коридор остался одиннадцать метров.
Нина взглянула на него.
— Включи.
— Нет.
— Почему?
— Потому что мы не знаем, что именно здесь было связано. Если есть активный пространственный переход, резкое подавление может его закрыть.
— Разве этого мы не хотим?
Аркадий посмотрел на неё почти устало.
— Ты действительно за столько лет забыла, чем закончился последний раз, когда мы закрыли сеть резко?
Тамара повернула голову.
Вера и техник были слишком далеко, чтобы разобрать тихую фразу.
Спина сама выпрямилась, будто тело уже знало, что разговор стал опаснее.
— Не здесь.
— Согласен.
— Тогда не начинай.
— Я не начал.

Он отступил от стены.

Нина хотела ответить, но в конце коридора появился Михаил.

На нём был тот же серый кардиган, сегодня застёгнутый правильно. В руке чашка.

Он остановился.

Посмотрел на группу.

— А у нас ремонт?

— Нет, — сказала Вера. — Измеряем.

Михаил кивнул, будто это всё объясняло.

Пошёл к ним.

Нина двинулась навстречу.

— Ты куда?

— За кофе.

— Столовая в другую сторону.

Он посмотрел назад.

— Да.

Несколько секунд стоял.

Потом повернулся к стене возле технической двери.

Чашка в его руке дрогнула.

Совсем немного.

— Михаил?

Он подошёл к белой стене.

Коснулся ладонью.

Нина заметила, что Аркадий перестал двигаться.

— Что там? — спросила Тамара.

Михаил не ответил.

Провёл рукой по стене слева направо.

Остановился там, где Тамара утром слышала объём.

— Здесь был выход.

Внутри вдруг стало тихо — та самая тишина перед решением.

— Когда?

Михаил взглянул на неё.

На секунду взгляд был совершенно ясным.

— До того, как закрыли.

— Что закрыли?

Он повернулся к технической двери.

— Седьмой.

Аркадий тихо выдохнул.

Нина сделала шаг к Михаилу.

— Ты помнишь?

— Что?

Ясность уже ушла.

— Седьмой маршрут.

Он посмотрел на неё с раздражением.

— Ты опять про это?

— Ты только что сказал...

— Нина.

Он поднял чашку.

— Я хотел кофе.

И пошёл обратно.

Тамара смотрела ему вслед.

Никто не заговорил, пока Михаил не скрылся за поворотом.

Потом техник спросил:

— Это что сейчас было?

Нина ответила не сразу.

— Не знаю.

Аркадий посмотрел на неё.

На этот раз она добавила:

— И именно поэтому нам надо сообщить Елене всё.

Глава 5. Дверь ванной

Тамара дождалась, пока техник уйдёт, и только потом сказала:

— Теперь.

Нина сделала вид, что не поняла.

— Что?

— Рассказывай.

Они стояли у окна в конце коридора. Вера уже вернулась в физиотерапию. Аркадий ушёл искать Елену. За технической дверью снова было то, что положено: короткий проход к инженерным помещениям, серые трубы под потолком и тяжёлая дверь с табличкой «Посторонним вход запрещён».

Ничего необычного.

Если не считать того, что полчаса назад между двумя порогами не хватало трёх метров.

— Я сказала, что нужно сообщить Елене, — ответила Нина.

— Сначала ты сообщишь мне.

— Ты всё видела сама.

— Не всё.

Тамара кивнула в сторону стены, к которой прикасался Михаил.

— Он сказал «здесь был выход», а ты выглядела так, будто уже слышала что-то похожее.

Нина посмотрела в окно. Во внутреннем дворе санитар помогал женщине в синем халате пересечь на скамейку. Садовник собирал с дорожки мокрые листья. Самая обыкновенная жизнь продолжалась в десяти метрах от места, где утром перестало работать расстояние.

— Два дня назад, — сказала Нина.

Тамара не перебила.

— Ночью. Я проснулась около трёх. Пошла в ванную.

— И?

— Открыла дверь.

— Это очень напряжённая история про сантехнику, — сказала Тамара.

— За дверью была не ванная.

Шутка исчезла с её лица.

— Что было?

— Коридор.

— Какой?

— Больничный. Старый.

— Ты вошла?

— Нет.

— Сколько видела?

— Несколько секунд.

— Несколько — это сколько?

— Может быть, пять.

— Свет?

— Был.

— Люди?

— Нет.

— Звук?

— Не помню.

Тамара дёрнула уголком рта.

— Конечно.

— Было три часа ночи.

— И ты никому не сказала.

— Утром всё было нормально.

— Нина.

— Я подумала о Михаиле.

— И поэтому решила молчать?

— Поэтому решила сначала понять, повторится ли.

— Повторилось.

— Теперь мы разговариваем.

— После того как исчез сотрудник.

Нина повернулась к ней.

— Кирилл мог исчезнуть по другой причине.

— Может. А коридор мог утром похудеть на три метра из-за диеты.

— Я не утверждаю, что это не связано.

— Ты вообще ничего не утверждаешь до того момента, когда уже поздно спорить.

Раздражение вспыхнуло сразу.

— Хочешь сказать что-то конкретное — говори.

Тамара посмотрела на неё.

— Хорошо. Конкретно. Ты испугалась, что если расскажешь про дверь, Михаила заберут на обследование.

Нина не ответила.

— Значит, угадала.

— Его уже обследуют достаточно.

— Это не ответ.

— Он живёт здесь не потому, что ему нравится вид на парковку.

— Я знаю.

— И я знаю, что происходит, когда в его деле появляется слово «дестабилизация».

— Я тоже.

— Тогда в чём спор?

— В том, что ты снова решила сама, какой риск приемлем для остальных.

Фраза задела сильнее, чем должна была.

Нина медленно сложила рулетку.

— Мы идём к Елене.

— Да.

— И рассказываем всё.

— Всё?

— Всё, что имеет отношение к происходящему.

Тамара прищурилась.

— Уже лучше.

— Не испытывай терпение.

— Оно у тебя всё равно не используется.

Кабинет Елены Мезенцевой находился за административной стойкой, рядом с комнатой совещаний. На двери не было таблички «директор», только имя и должность: «Е. С. Мезенцева, врач-гериатр».

Нина считала это хорошим признаком. Люди, которым постоянно нужно напоминать окружающим, что они руководители, обычно руководили плохо.

Елена говорила по телефону. Увидев их, показала на стулья.

— Да, — сказала она в трубку. — Нет, пока полиция не подключалась. Речь идёт об одном сотруднике, который не вышел на смену. Я понимаю. Перезвоните мне, пожалуйста, если он появится дома.

Нина села.

Тамара осталась стоять.

Елена закончила разговор.

— Сестра Кирилла. Не видела его со вчерашнего дня.

Версия с внезапным увольнением окончательно разваливалась. Удовлетворение от этого было неприятным.

— Полиции ещё не сообщили?

— Я сообщила дежурному утром. Обращение зарегистрировали как первичную проверку: взрослый человек мог уйти сам, признаков преступления пока нет. Но запись уже есть. Если найдём подтверждение, что он не покидал здание обычным путём, группа приедет сразу.

— У него здесь велосипед, ключи, куртка.

Елена посмотрела внимательнее.

— Откуда вы знаете про ключи?

Тамара села.

— Сейчас будет неприятная часть разговора.

Нина рассказала про шкафчик.

Елена выслушала до конца и открыла на планшете журнал смен.

— Камеры я уже приказала сохранить. Последняя запись с Кириллом — двадцать три сорок шесть, коридор возле физиотерапии.

— И дальше? — спросила Тамара.

— Дальше слепая зона. Камеру у процедурной на прошлой неделе развернули после ремонта. Шесть метров коридора и две двери не попадают в кадр.

Нина посмотрела на неё.

— Очень вовремя.

— Именно поэтому я не считаю запись ответом. По электронному журналу Кирилл не прикладывал пропуск ни к одному внешнему выходу. Но служебная дверь на двор открывается изнутри без карточки.

— Велосипед остался, — сказала Тамара.

— Знаю.

Елена достала чистый лист.

— Теперь вы обе по порядку запишете, чего касались. Куртка, ключи, шкафчик, бумаги. Ничего больше не трогаете. Когда приедет полиция, исходное состояние уже не восстановить, но хотя бы не будем притворяться, что оно сохранилось.

Тамара посмотрела на Нину.

— Наша категория нарушения снова изменилась.

— Замолчи.

Елена выслушала до конца.

— Вы вскрыли личный шкаф сотрудника.

— Его ключом.

— Это не делает ситуацию лучше.

— Зато делает точнее.

— Нина Андреевна, я могу ценить вашу инициативность и одновременно просить вас никогда больше этого не делать.

— Просить можете.

Елена закрыла глаза на секунду.

— Что нашли?

— Архивный запрос по Северному узлу. Маршрут семь.
Елена перестала сердиться.
— Северный узел?
— Михаил попросил Кирилла найти старую схему.
— Когда?
— Вчера, возможно раньше.
— Михаил ничего мне не говорил.
— Он не обязан согласовывать чтение архивов.
— Согласна.
Елена взяла ручку.
— Ещё что?
Нина посмотрела на Тамару.
— Сегодня утром коридор за физиотерапией был короче, чем на плане, примерно на три метра.
Ручка остановилась.
— Простите?
— Измерили дважды обычной рулеткой, — сказала Тамара. — Восемь с небольшим.
Через сорок минут техник измерил лазером — одиннадцать двадцать три, как на плане.
— Рулетка могла...
— Два раза?
— Я обязана рассматривать обычные объяснения.
— Рассматривайте, — сказала Нина. — Но есть ещё одно.
Она рассказала про дверь ванной.
Елена не перебивала. Когда Нина закончила, директор несколько секунд смотрела на стол.
— Почему вы не сообщили тогда?
— Потому что больше это не повторялось.
Тамара тихо усмехнулась.
Елена посмотрела на неё.
— Есть что добавить?
— Много. Но по существу — нет.
Елена встала и подошла к шкафу у стены. Достала небольшую серую папку.
— Нина Андреевна, вы помните, что система пространственной стабилизации в «Авроре» установлена в том числе из-за Михаила?
— Конечно.
— Она регистрирует микросмещения.
— И?
— В последние месяцы иногда появлялись короткие пики.
Внутри холодело всё сильнее.
— Насколько короткие?
— Доли секунды. Иногда меньше.
— Почему я об этом не знала?
— Потому что по медицинским критериям они не представляли угрозы.
— Кто решил?
Елена выдержала взгляд.
Тамара медленно повернула голову к Нине.
Нина поняла раньше, чем та успела сказать.
Кто решил.
— Хорошо, — сказала Тамара. — Это становится почти комедией.

Елена нахмурилась.

— Что?

— Ничего. Продолжайте.

— Система компенсировала колебания. У Михаила не было симптомов после эпизодов.

Мы наблюдали.

— Сколько месяцев? — спросила Нина.

— Первый зарегистрированный пик был в феврале.

— Август.

— Я умею считать.

— Полгода вы знали, что его способность активируется непроизвольно.

— Мы знали о микросмещениях. Не о дверях в чужие помещения.

Нина поднялась.

— В чём разница?

— Примерно в той же, что между экстрасистолой и остановкой сердца.

— И вы ничего ему не сказали?

— Сказали.

Это остановило Нину.

— Что?

— Михаил знает о системе и о показателях. Он сам участвовал в выборе режима стабилизации.

Тамара посмотрела на Нину.

Елена продолжила:

— Я не скрывала данные от пациента. Я не рассказывала их всем его бывшим коллегам.

— Он мне не говорил.

— Это его право.

Нина села обратно.

Ответ ей не понравился именно потому, что был правильным.

— Последние пики были когда?

Елена открыла папку.

— Три дня назад. Потом вчера вечером.

— В какое время?

Елена назвала.

Вчерашнее время было примерно на двадцать минут раньше того, когда Тамара слышала Кирилла.

— Сегодня?

— Логи я ещё не смотрела.

— Посмотрите.

— Уже собиралась.

Тамара подняла палец.

— И ещё. В стене возле технической двери я слышу пространство, которого не должно быть.

Елена посмотрела на неё.

— Насколько вы уверены?

Тамара на секунду задержалась. Нина заметила это.

— Процентов на восемьдесят, — ответила Тамара. — Может быть, вентиляция даёт сложное отражение. Но если бы я ставила деньги, поставила бы на коридор.

— Хорошо. До проверки стену не вскрываем.

— Благодарю, — сказала Тамара.

Елена встала.

— Я вызову инженера системы и проверю логи. Вы обе ничего больше самостоятельно не исследуете.

Нина открыла рот.

— Нина Андреевна.

— Я слышала.

— Это не означает согласие, я знаю.

Тамара усмехнулась.

Елена посмотрела на неё.

— Мне начинает казаться, что у вас здесь отдельный диалект.

— Сорок лет практики, — сказала Тамара.

Они вышли.

В коридоре Тамара сказала:

— Заметь, я ничего не сказала.

— О чём?

— О том, что Елена делала ровно то же, что ты.

— Ты сказала это в кабинете.

— Нет. Я сказала «комедия».

— Все поняли.

— Значит, аудитория хорошая.

Нина направилась к лифту.

— К Михаилу.

— Опять?

— Хочу узнать, что он знает о стабилизаторе.

— То есть проверить, что он тебе не рассказал.

— Тамара.

— Я просто формулирую.

Михаила в комнате не было.

На столе лежал блокнот.

Нина остановилась у порога.

Тамара подошла сзади.

— Даже не думай.

— Я ничего не делаю.

— Ты смотришь на блокнот так, как вчера смотрела на шкафчик.

— Это другое.

— Конечно.

Нина не вошла.

Закрывает дверь.

Нашли Михаила в маленькой библиотеке на первом этаже. Он сидел за столом у окна и листал старый фотоальбом «Рубежа». Альбом кто-то принёс для выставки.

На развороте была фотография шестёрки после спасательной операции. Нина помнила этот день плохо. Зато помнила, что Павел ненавидел тот костюм, потому что молния заедала у горла.

Все на снимке были молодыми.

Андрей стоял крайним справа и улыбался фотографу так, будто снимок был его идеей.

Нина остановилась. Михаил поднял голову.

— А, вот ты.

— Елена говорит, ты знаешь о стабилизаторе.

— Знаю.

— Почему не сказал?

— Кому?

— Мне.

— Зачем?

Ответ был мгновенным.

Нина почувствовала, как Тамара за спиной очень тихо выдохнула.

— Потому что бывают непроизвольные срабатывания.

— Бывают.

— Полгода.

— Наверное.

— Тебя это не беспокоило?

— Беспокоило.

— И?

— Я говорил с врачом.

— Со мной почему не говорил?

— Потому что ты не врач.

— Михаил.

— Нина.

Он произнёс её имя без злости.

— Что ты хочешь услышать?

Она не сразу ответила.

— Что происходит.

— Я тоже.

— Ты рисуешь старую сеть. Просишь Кирилла найти закрытый маршрут. В ту же ночь он исчезает. У тебя месяцами фиксируют срабатывания. Сегодня три метра коридора куда-то делись.

Михаил слушал.

— Последнее интересно.

— Ты не знал?

— Нет.

— Утром сказал, что в стене был выход.

— Сказал?

— Да.

Он посмотрел в сторону окна.

— Не помню.

Нина сжала пальцы на краю стола.

— Постарайся.

— Не надо.

— Я не...

— Вот это. Не надо.

Он постучал пальцем по виску.

— Если я не помню, значит, сейчас не помню. Ты не выжмешь оттуда ответ сильнее, если будешь смотреть на меня как на свидетеля на допросе.

Тамара отошла к полке, давая им хотя бы видимость разговора наедине.

Нина медленно отпустила стол.

— Хорошо.

Михаил посмотрел на неё с подозрением.

— Что хорошо?

— Не буду давить.

— Ты заболела?

— Все сегодня шутят одинаково.
Он улыбнулся.
Нина кивнула на альбом.
— Зачем смотришь?
— Принесли к годовщине.
— Я вижу.
— Тогда опять вопрос «зачем»?
— Тебе это полезно?
— Не знаю. Иногда неприятно полезно.
Он открыл альбом на прежней странице.
— Посмотри.
Нина не хотела.
Всё равно посмотрела.
Андрей. Павел. Тамара. Аркадий. Михаил. Она сама.
— Мы тогда думали, что очень устали, — сказал Михаил.
— Мы были усталыми.
— Нет. Это было другое. Можно было поспать.
Нина ничего не ответила.
Михаил коснулся фотографии Андрея.
— Он тоже был на седьмом.
— Да.
— Я помню это.
— Что именно?
— Что был.
Он нахмурился.
— И ещё двадцать.
У Нины пересохло во рту.
— Что двадцать?
Михаил смотрел на снимок.
— Не знаю.
— Михаил.
— Я сказал: не знаю.
— Почему двадцать?
Он резко закрыл альбом.
— Хватит.
Нина хотела продолжить. Тамара подошла и положила ладонь ей на предплечье.
Не удерживала.
Просто коснулась.
Нина замолчала.
Михаил встал.
— Я пойду к себе.
— Проводить? — спросила Тамара.
— Нет.
Он сделал несколько шагов, потом обернулся.
— Нина.
— Да?
— Если я что-то говорю и потом не помню, это не значит, что ты должна хранить это вместо меня.
— А что должна?

Михаил подумал.

— Сказать мне правду, когда я спрошу.

Он ушёл.

Тамара убрала руку.

Нина продолжала смотреть на закрытый альбом.

На обложке остался светлый прямоугольник от наклейки. Когда-то там было имя Михаила и номер отряда. Наклейку сняли перед выставкой, но клей въелся в ткань, и теперь пустое место читалось лучше надписи.

Нина помнила этот альбом тяжёлым. Не по весу. В нём лежали схемы, фотографии, списки дежурств и короткие записи Михаила на полях. Тогда ни одна из них не казалась последней. Любую можно было уточнить вечером, на следующем совещании, после возвращения группы.

Теперь Михаил мог произнести число, уйти по коридору и через десять минут не знать, что сказал. Запись оставалась у неё. Решение тоже незаметно оставалось у неё, хотя он прямо попросил не хранить одно вместо другого.

Она провела пальцем по краю обложки и убрала руку. Открыть альбом снова было бы проще, чем подняться и спросить. Именно поэтому она не открыла.

— Двадцать, — сказала Тамара.

— Я слышала.

— Ты знаешь почему?

Нина медленно подняла глаза.

— Нет.

Это была ложь не целиком. Только частично.

И от этого хуже.

Глава 6. Чужой коридор

Елена вызвала их в половине шестого.

В кабинете уже сидели инженер «Авроры» и Аркадий. На столе лежал ноутбук с открытым графиком. Несколько тонких линий шли почти ровно, потом в одном месте поднимались острые пики.

Нина остановилась в дверях.

— Почему он здесь?

Аркадий поднял глаза.

— Добрый вечер и тебе.

Елена сказала:

— Я попросила Аркадия присутствовать.

— Зачем?

— Потому что его способность может понадобиться, если активность повторится.

Аркадий не выглядел довольным.

— Мне сообщили это примерно теми же словами.

Нина села.

Тамара устроилась рядом.

Инженер представился Олегом, хотя Нина видела его раньше десятки раз. Он развернул ноутбук.

— Это данные за последние семьдесят два часа.

На графике было четыре заметных пика.

— Первый — позавчера в тринадцать ночи.

Нина сразу поняла.

Дверь ванной.

— Второй вчера в двадцать три сорок один.

Тамара сказала:

— Кирилла я слышала примерно через семь минут.

— Точнее?

— Без двенадцати полночь. Плюс-минус минута.

— Третий сегодня в семь пятьдесят восемь.

Утренний коридор.

— Четвёртый?

Олег увеличил график.

— В десять тридцать две.

Нина посмотрела на Елену.

— Когда техник получил одиннадцать метров?

— Примерно без десяти одиннадцать, — ответила та.

То есть пик прошёл, и расстояние вернулось.

— Это точно Михаил? — спросила Тамара.

Олег пожал плечами.

— Система не определяет человека. Она измеряет локальное пространственное отклонение в пределах здания.

— А где?

— Вот это проблема. Датчики показывают область, но точность низкая. Первые два эпизода были ближе к жилому крылу. Сегодняшние — служебная зона первого этажа.

Аркадий спросил:

— Почему система не подавила?

— Она подавила.

— Тогда почему дверь открылась не туда?

Олег недовольно поджал губы.

— Потому что система проектировалась для микросмещений. Не для устойчивого соединения.

— То есть она работает, пока ничего серьёзного не происходит.

— Можно и так сказать, если хочется оскорбить инженера.

— Не хочется. Получилось случайно.

Елена постучала ручкой по столу.

— Нам нужно решить, что делать до приезда специалистов из ведомства.

Нина подняла голову.

— Какого ведомства?

— Я обязана сообщить о пространственной аномалии такого уровня.

— Обязана — когда?

— После подтверждения.

— Мы подтвердили?

— Да.

— Кирилла всё ещё нет.

— Именно.

Нина посмотрела на Аркадия.

Он понимал, что её беспокоит.

— Не начинай, — сказал он.

— Что?

— У тебя на лице написано «они заберут Михаила».

— А что, не заберут?

Елена ответила:

— Пока нет оснований для принудительного перевода.

— Пока.

— Нина Андреевна, если его способность угрожает людям, моя задача не сохранить привычный распорядок любой ценой.

— Я знаю вашу задачу.

— Тогда не заставляйте меня это повторять.

Тамара сказала:

— А можно на минуту забыть, кто кого контролирует, и проверить конкретную дверь?

Все посмотрели на неё.

— Какую? — спросила Елена.

— Ту, где утром Михаил сказал про выход.

Олег покачал головой.

— Сейчас там нормальные показания.

— Тем лучше.

— Зачем?

— Кирилл был в том крыле. Если дверь снова изменится, может быть шанс понять, куда он ушёл.

Елена посмотрела на Нину.

— Вы уже собирались это сделать без нас?

Нина не ответила.

— Понятно.

В служебное крыло пошли вшестером: Нина, Тамара, Аркадий, Елена, Олег и сотрудник безопасности с рацией. Павла не позвали.

Он узнал всё равно.

— Я живу в доме, где коридоры меняют длину, — сказал он, догнав их возле лестницы.

— И вы решили, что мне будет спокойнее узнать после ужина?

— Да, — ответила Нина.

— Неправильно решили.

— Ты не идёшь.

— Почему?

— Потому что нас и так достаточно.

— Это не причина.

— Павел.

— Нина.

Тамара тихо сказала:

— Сейчас начнётся.

Павел посмотрел на техническую дверь.

— Кирилл там?

— Возможно.

— Тогда я иду.

Нина хотела сказать про возраст, про риск падения, про нестабильную способность Павла, о которой пока не знала всей правды, но подозревала достаточно.

Вместо этого сказала:

— Если дверь откроется не туда, никто не входит без решения Елены.

Павел усмехнулся.

— Уже прогресс.

Елена бросила на Нину короткий взгляд, но спорить не стала.

Олег установил переносной датчик возле стены.

Ничего.

Пять минут.

Десять.

Павел начал раздражаться.

— Может, оно появляется, когда никто не смотрит.

— Очень научный подход, — сказал Аркадий.

— У тебя лучше?

— Да. Ждать.

— Ненавижу твои методы.

— Взаимно.

Михаил появился в коридоре неожиданно.

Нина сразу выпрямилась.

— Кто его привёл?

Никто.

Михаил шёл сам, в тёмных брюках и рубашке, без кардигана. В руке держал тот самый блокнот.

Елена направилась к нему.

— Михаил Сергеевич, вы куда?

— Сюда.

— Почему?

— Не знаю.

Он сказал это спокойно.

Елена остановилась.

— Хорошо. Тогда постоим вместе.

Михаил увидел группу.
— Я что-то пропустил?
Павел ответил:
— Пока только ужин.
— До него час.
— Значит, ничего.
Михаил подошёл к стене.
Олег посмотрел на датчик.
Линия дрогнула.
— Есть.
Напряжение прошло по комнате почти одновременно: все замерли.
— Михаил, — сказала Елена. — Ничего не делайте.
— А что я делаю?
Линия пошла вверх.
Тамара сняла слуховой аппарат.
— Тихо.
Щёлкнула пальцами.
Глухое отражение исчезло.
Вместо него пришло другое — далёкое.
Олег смотрел на экран.
— Рост.
Михаил приложил ладонь к стене.
— Здесь.
— Уберите руку, — сказала Елена.
— Зачем?
— Просто уберите.
Михаил повернул голову.
В этот момент стена изменилась.
Не вспыхнула.
Не стала прозрачной.
Нина потом долго пыталась вспомнить момент и не могла.
Просто секунду назад была белая стена.
А теперь там находилась дверь.
Серая, металлическая, с узким окном наверху.
Нина знала эту дверь.
Не конкретно эту — тип.
Такие ставили в старых городских больницах сорок лет назад.
Павел тихо сказал:
— Господи.
Олег отступил.
Сотрудник безопасности потянулся к рации.
Михаил стоял ближе всех.
— Не трогать, — сказала Нина.
Он посмотрел на неё.
— Я не трогаю.
Павел подошёл.
— Это Северный узел?
— Нет, — сказала Нина.
— Откуда знаешь?

Она не знала.
Елена сказала:
— Все назад. Олег, показатели?
— Держатся.
Тамара подошла к двери на два шага.
— За ней есть помещение.
— Какое?
— Большое. Коридор. Вентиляция.
Нина слышала собственное дыхание.
На полу возле порога лежал маленький пластиковый прямоугольник.
Сначала она решила, что это часть датчика.
Потом увидела фотографию.
— Не двигаться.
Она медленно присела.
Поясница отозвалась болью.
Пластиковая карточка лежала наполовину под дверью.
Нина подцепила край двумя пальцами.
Вытащила.
На ней было лицо Кирилла.
Служебный пропуск.
Елена тихо выругалась.
— Он был там, — сказал Павел.
— Карточка была там, — ответила Нина.
— Нина.
— Не одно и то же.
Михаил смотрел на пропуск.
— Он прошёл.
Нина поднялась.
— Ты знаешь?
— Нет.
— Тогда почему говоришь?
— Потому что карточка там.
Павел усмехнулся:
— Вот видишь.
Нина проигнорировала обоих.
Елена вызвала по рации дополнительную охрану.
— Никто не входит.
— А если Кирилл там? — спросил Павел.
— Мы не знаем, что там.
— Поэтому и надо посмотреть.
— Нет.
— Тогда что?
— Ждём группу ведомства.
— Когда?
— Утром.
Павел посмотрел на дверь.
— Если человек там ранен, утро может быть поздно.
Это был разумный аргумент.
И именно поэтому Нина его ненавидела.

Она подошла к окну в двери.
За стеклом действительно был коридор.
Старая зелёная плитка до половины стены. Серые двери. Потолочные лампы в металлических решётках.
Нина узнала место.
Не сразу название.
Ощущение.
Запах она, конечно, не могла почувствовать через дверь, но память подставила сама: хлорка, гарь, мокрый бетон.
— Нина? — спросила Тамара.
Она не ответила.
— Ты знаешь это место.
— Больница номер восемь.
Аркадий резко повернулся.
— У Северного узла?
— Да.
Павел подошёл к стеклу.
— Её давно снесли.
— Нет, — сказал Аркадий. — Старый корпус закрыли, но здание стоит.
Нина посмотрела на него.
— Откуда знаешь?
— Проверял.
— Зачем?
— Иногда я читаю новости.
Он солгал.
Но сейчас не время.
Елена сказала:
— Если это реально существующий корпус, мы можем проверить снаружи.
Олег уже набирал адрес.
— До него сорок минут.
— Отправьте полицию на место.
Михаил приблизился к двери.
Нина встала между ним и ручкой.
— Нет.
— Я только посмотреть.
— Уже посмотрел.
— Нина.
— Нет.
Он посмотрел ей в глаза.
На секунду в нём не было ни спутанности, ни усталости.
— Если это мой переход, я должен понять, как он держится.
— Потом.
— Потом он может исчезнуть.
— Тем более.
Михаил усмехнулся.
— Отличная логика.
Павел сказал:
— Можно привязать дверь, чтобы не закрылась.
Аркадий посмотрел на него.

— Ты сейчас серьёзно предлагаешь удержать пространственную связь верёвкой?

— Я предлагаю не дать двери захлопнуться.

— Дверь и связь — не одно и то же.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я много лет работал рядом с человеком, который это делал.

Михаил сказал:

— Он прав.

Павел закатил глаза.

— Прекрасно. Все умные. Кирилл всё ещё там.

Елена приняла решение:

— Открываем на несколько сантиметров. Никто не переступает порог.

Олег побледнел.

— Елена Сергеевна...

— Мне нужен воздух, звук и визуальная проверка. Без входа.

Нина хотела возразить.

Не стала.

Елена надела перчатки и потянулась к ручке.

— Я, — сказал Павел.

— Нет.

— Если там перепад давления или что-то ударит...

— Павел.

— У меня больше шансов выдержать.

Нина подняла на него глаза.

Он выдержал взгляд.

Она знала его достаточно, чтобы заметить одну мелочь: он не сказал «я выдержу».

Сказал «больше шансов».

— Хорошо, — решила Елена. — Но только ручка.

Павел подошёл.

Положил ладонь.

Нина заметила, как напряглись мышцы его предплечья.

Он нажал.

Дверь открылась легко.

На ширину ладони.

Олег поднял руку.

— Держите так.

Он принёс гибкую инспекционную камеру, которой техники проверяли вентиляцию, включил запись и медленно провёл объектив через щель. На планшете появилась зелёная плитка, потом изображение раздвоилось. В левом окне коридор уходил прямо. В правом — поворачивал там, где должна была быть стена.

Счётчик времени в углу показал 19:14, перескочил на 19:09 и погас.

Олег выдернул кабель.

— Камера цела. Сигнал за порогом возвращается в неправильном порядке.

— Зато теперь мы знаем, что палец туда совать не надо, — сказал Павел.

— Это и без камеры было известно, — ответила Елена. — Никто не входит. Проверяем только воздух и звук.

Из щели пахнуло прохладным воздухом.

Настоящим.

Тамара закрыла глаза.

— Вентиляция работает.

— В закрытом корпусе? — спросил Олег.
— Я сказала, что слышу.
Из-за двери донёлся звук.
Металл о металл.
Все замерли.
Ещё раз.
Не ритм.
Просто далёкий удар.
— Кирилл? — позвал Павел.
Елена резко сказала:
— Не надо.
Но было поздно.
Из коридора не ответили.
Михаил подошёл ближе.
— Нужно войти.
— Нет, — сказала Нина.
— Там человек.
— Мы не знаем.
— Ты никогда не знаешь достаточно.
Она почувствовала удар фразы.
Павел держал дверь.
— Что дальше?
Елена посмотрела на Олега.
— Показатели?
— Стабильны.
Аркадий сказал:
— Это ничего не значит.
— Почему?
— Потому что если переход держится на Михаиле, мы не знаем, что произойдёт, если он потеряет концентрацию.
— Я не концентрируюсь, — сказал Михаил.
— Вот это как раз хуже.
Дверь дёрнулась.
Павел напрягся.
— Что...
Она пошла закрываться.
Он удержал.
На лице впервые появилось усилие.
Нина шагнула к нему.
— Отпусти.
— Сейчас.
— Павел, отпусти.
— Там его карточка.
— Отпусти.
Дверь потянула сильнее.
Павел ругнулся.
Нина увидела, как его кисть скользнула по металлу.
Решение пришло раньше мысли.
Она вытянула руку.

Дверь двигалась к косяку. Уже была энергия, направление.
Нина поймала движение и повернула.
Не остановила.
Перенаправила импульс вниз, в тяжёлую петлю.
Металл ударил о пол.
Боль прошла от ладони к плечу и дальше в позвоночник.
Нина стиснула зубы.
Дверь осталась открыта.
— Назад! — крикнула Елена.
Павел отступил.
Нина тоже.
Через секунду дверь захлопнулась сама.
Громко.
Олег смотрел на датчик.
— Пик пропал.
Михаил подошёл и открыл дверь.
За ней была обычная техническая кладовая.
Швабры.
Коробки.
Трубы.
Никакой больницы.
Несколько секунд никто не говорил.
Потом Павел спросил:
— Ну?
Елена смотрела на служебный пропуск Кирилла в руке Нины.
— Теперь звоним не только в ведомство.
Она достала телефон.
— Теперь у нас официально пропавший человек.

Глава 7. Вера

Полиция приехала через двадцать минут.

К вечеру «Аврора» уже не была похожа на место, где люди спокойно доживали старость.

По коридорам ходили незнакомые сотрудники в форме. Камеры выгружали на переносные диски. Персонал по очереди вызывали в кабинет. У входа поставили дополнительного охранника. Елена отменила посещения до следующего дня, чем вызвала больше возмущения у родственников, чем два исчезнувших метра коридора могли бы вызвать у половины постояльцев.

О пространственной двери полиция пока знала только в общих чертах.

Нина сидела в столовой перед остывшим супом и наблюдала, как Павел пытался объяснить молодому полицейскому, что служебный пропуск Кирилла действительно нашли «за другой дверью».

— Какой другой? — спросил тот.

— Той же самой, только в другом месте.

— Дверь переместилась?

— Нет.

— Коридор переместился?

Павел посмотрел на Нину через весь зал.

Она отвернулась.

Тамара села напротив.

— Предатель.

— Я его не заставляла отвечать.

— Могла помочь.

— Он любит рассказывать истории.

— Сейчас впервые увидел предел таланта.

Нина отодвинула тарелку.

— Елена где?

— С полицией.

— Михаил?

— В комнате. Вера была у него пятнадцать минут назад.

— Зачем?

— Физиотерапия.

— Сегодня всё отменили.

— Значит, зашла проверить.

Нина посмотрела на часы.

— Пойду к нему.

— Сядь.

— Почему?

— Потому что ты последние три часа либо стоишь, либо ходишь, либо пытаешься своей силой спорить с дверями.

— Один раз.

— Плечо?

— Нормально.

— Ты держишь руку ближе к телу.

Нина посмотрела на правую руку.

— Наблюдательная.

— Это буквально моя работа.

— Была.

— Спасибо, что напомнила.

Нина осталась сидеть.

Тамара попробовала суп.

— Холодный.

— Неожиданно.

— Тебе нужно поесть.

— Не начинай.

— Я говорю не как медсестра.

— Хуже.

Через десять минут в столовую вошла Вера.

Она была без белого халата, в тёмно-синей форме физиотерапевта, с волосами, собранными на затылке. Увидела Нину и подошла.

— Михаил Сергеевич сегодня немного беспокойный.

— Из-за полиции?

— Не только. Он говорит, что ему нужно проверить дверь в служебном крыле.

— Не пускайте.

Вера чуть улыбнулась.

— Я вообще-то хотела сказать, что он взрослый человек.

Тамара кашлянула.

Нина повернула голову к ней.

— Что?

— Ничего.

Вера продолжила:

— Но сейчас он согласился остаться в комнате. Я попросила Кирилла бы... — Она остановилась.

Тень прошла по лицу.

— Всё время забываю.

— Вы хорошо его знали? — спросила Тамара.

— Кирилла? Работали вместе два года. Хороший парень.

— Он вчера что-нибудь говорил?

Вера задумалась.

— Про архив. Сказал, что Михаил Сергеевич озадачил его старой схемой. Ещё спрашивал, где хранятся планы до реконструкции.

— Вам?

— Я работаю здесь девять лет. Он решил, что я всё знаю.

— И?

— Отправила к хозяйственникам.

Нина посмотрела на Тамару.

Совпадало.

— А ночью?

— Я ушла около десяти.

— Михаила видели?

— Нет.

Вера посмотрела на часы.

— Простите, мне надо проверить третий этаж.

— Вы же сказали, всё отменено.

— Групповые занятия. Люди не перестали нуждаться в помощи, потому что приехала полиция.

Она ушла.

Нина всё-таки заставила себя съесть половину супа.

Потом пришёл полицейский.

Потом второй разговор.

Потом подпись под протоколом.

К семи вечера Нина устала настолько, что начала отвечать коротко даже Тамаре, и та, к удивлению, восприняла это как разумный повод оставить её в покое.

В восемь тридцать Елена собрала старую команду в малой гостиной.

Аркадий пришёл первым. Павел — последним и с тарелкой бутербродов.

— Ужин пропустил, — объяснил он.

— Ты ел два часа назад, — сказала Тамара.

— Это был перекус.

Михаил сидел возле окна.

Нина устроилась напротив.

Елена закрыла дверь.

— Завтра утром приезжает представитель государственного управления по особым рискам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.